

Оказание помощи беженцам и пленным Полоцким уездным управлением по эвакуации населения в 1920 году

Воюш Р.В.

В феврале 1920 г. Центральное управление по делам пленных и беженцев было реорганизовано в Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак), в ведении которого теперь находились все людские перевозки, кроме военных. В приказе Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) от 26 февраля 1920 г. причины реорганизации объяснены «возникновением новых задач по переброске людских контингентов и необходимостью использовать для этого эвакуационный аппарат» [4, с. 110]. Местные органы Центрэвака стали называться губернскими и уездными управлениями по эвакуации населения (губ- и уездэваками), в них также происходили структурные изменения. В губэваках сократили штаты, объединив подразделения и ликвидировав культурно-просветительные отделы (культпросветотделы).

Полоцкое уездное управление по эвакуации населения (Полоцкий уездэвак) начало свою работу в непростых условиях советско-польской войны. Полоцкий уездэвак занимался регистрацией беженцев и военнопленных различных категорий, реэвакуацией их на родину (по возможности), оказывал материальную и медицинскую помощь всем нуждающимся, выдавал справки и проездные документы. На 01.05.1920 г. уездэвак состоял из следующих отделов и структурных единиц: управление (контора), продовольственного отдела, счетно-финансовой части, эвакуационно-беженского отдела (эвакуационно-регистрационной части), барачной части, амбулатории и питательного пункта [10, л. 21]. В начале четкого разделения полномочий между различными отделами и частями не было. Только через несколько месяцев наладилась работа всего управления [4, л. 112].

Во главе управления (конторы) Полоцкого уездэвака продолжительное время стоял уполномоченный товарищ *Л. Кащенко* [10, л. 5]. Штат управления на июнь 1920 г. состоял из следующих должностей: заместитель, секретарь, делопроизводитель, два конторщика, две машинистки, курьер, уборщик и кучер [10, л. 21]. В связи с осложнением на советско-польском фронте в июле 1920 г. устанавливалась строгая трудовая дисциплина для всех сотрудников уездэвака, не допускались прогулы и опоздания на работу, временно отменялись отпуска. За нарушение трудовой дисциплины сотрудники привлекались к «ответственности по всей строгости военного времени» и увольнялись с работы. Режим работы всех служащих Полоцкого уездэвака составлял 6 часов с 10.00 до 16.00, только рабочий день курьеров был 8 часов с 9.00 до 17.00 [10, л. 48].

Витебский губэвак периодически направлял своих сотрудников для проверки состояния трудовой дисциплины в Полоцком уездэваке и исполнения его работниками служебных обязанностей [2, с. 5]. Так, 16 июля 1920 г. после очередной проверки сотрудниками губэвака Полоцкого подразделения по эвакуации населения комендант беженских барачных *Е.Г. Горбаченко* был награжден двухнедельным фронтовым (усиленным) пайком за наведение строгой трудовой дисциплины вверенном ему отделе [10, л. 50]. Однако были случаи и противоположного характера, 20 августа 1920 г. был уволен со службы конторщик *Ф.И. Рабышко* за систематические прогулы без компенсации двухнедельного отпуска [6, л. 33].

По данным Полоцкого уездного управления по эвакуации населения, с июля по начало ноября 1920 г. через эвакуационный пункт прошло более 9 тысячи беженцев, около тысячи военнопленных Первой мировой войны и 2 тысячи 640 военнопленных польской армии, среди которых было выявлено 400 больных [11, л. 45].

Для оказания помощи в организации управлений по эвакуации населения Главэвакзапом были командированы на места опытные работники. 11 июля 1920 г. управление Главэвакзапа циркуляром предписало Полоцкому уездэваку направить своих сотрудников в Молодечно и Друя [1, с. 6]. Так, 14 июля 1920 г. были командированы из

г.Полоцка в г.Молодечно заведующий эвакуационно-регистрационным отделом *Л.Г. Сидорчик* и помощник коменданта беженских барачков *Д.Е. Клячко* [10, л. 11].

После отступления Красной Армии из Западной Беларуси пограничные эваки на линии польско-советского фронта прекращали свою деятельность. 1 октября 1920 г. закрылся Молодечненский уездэвак, а его имущество, складские запасы, часть специалистов были вывезены в Полоцк [1, с. 10].

Обеспечение нужд беженцев в местах временного проживания должно было происходить с учетом разработанных и опубликованных средствами массовой информации «Правил оказания помощи беженцам», которые декларировали права беженцев Первой мировой войны на все виды помощи в порядке мер государственного попечения: жилищную, продовольственно-вещевую, денежную, медико-санитарную, трудовую, культурно-просветительную, юридическую и признание, но вышесказанное относилось только к зарегистрированным беженцам [4, с. 111].

По роду оказываемой помощи беженцы делились на категории: 1) осевшие на местах их водворения до момента рэвакуации; 2) тронувшиеся в путь для водворения на родину; 3) остановившиеся в пути на тыловых пунктах или в прифронтовой полосе. На Полоцкий уездэвак прежде всего возлагалась забота о беженцах 2 и 3 категорий, на местные государственные органы - о беженцах 1 категории. Для избежания параллелизма предлагалось созывать межведомственные совещания. Беженцы, не заявившие желания вернуться на родину, приравнивались к коренному населению и помощью со стороны эвакуационных органов пользоваться не могли [9, с. 10].

Все эти меры, безусловно, могли бы облегчить существование беженцев в ожидании возвращения на родину. Однако реально дело с оказанием помощи беженскому населению обстояло иначе.

подавляющее большинство беженцев нуждалось в материальной помощи. Если до осени 1917 г. они имели свои сбережения и «во что одеться, и получали от казны пособие», то теперь для того, чтобы выжить им приходилось продавать или обменивать даже необходимые вещи. Кроме того, многие из них оказались просто раздеты, т.к. «за 4 года не могли ничего приобрести, а только изнашивали». Осенью 1920 г. в адрес местных отделов соцобеспечения, в том числе Полоцкого, поступила инструкция о возможности выплаты единовременных денежных пособий в размере не свыше 100 руб. на семейство. Однако многие собесы сообщали, что, «несмотря на мизерность предполагаемого денежного пособия», затрудняются «проводить в жизнь означенную инструкцию, по смыслу которой семья не сможет купить и 1 пуда хлеба» [1, с. 8]. В условиях, когда местные органы соцобеспечения не брали на себя заботу о беженцах, мотивируя отсутствием средств даже для помощи коренному населению, именно уездэвак вынужден был взять на себя решение этого вопроса. Но эта помощь носила эпизодический характер и была незначительна из-за войны и разрухи.

Фонд отдела соцобеспечения Полоцкого уездного исполкома за май – сентябрь 1920 г. был переполнен заявлениями и ходатайствами, в том числе и от беженцев. Так, беженец из Варшавы *Феликс Адольфович Михальский* просил материальной помощи для своей большой семьи как пострадавшей от войны. На данное ходатайство наложена резолюция с разрешением остаться на месте временного жительства и приписка о том, что «выдавать пособия — это дело беженских организаций, а не секции призрения» [7, л. 38].

На Полоцких железнодорожных станциях (*Полоцк-I* и *Полоцк-II*) питание беженцев и производилось на питательном пункте за счет уездэвака по следующей раскладке: горячая пища - из расчета 80 - 90 коп. на человека, с чаем, сахаром и хлебом - до 1 руб. 30 коп. Для регулирования расходов продуктов питания заведующим питательным пунктом *Т.В. Бернатовым* была создана специальная комиссия, которая состояла из 2-х сотрудников управления и 2-х представителей от беженцев. Эта комиссия строго следила за ежедневной раскладкой питания. Иногда эшелон снабжался сухим пайком до ближайшего питательного пункта Управления военных сообщений. При Полоцком

уездэваке была организована чайная, за лето 1920 г. отпущено около 8 тысяч обедов. На пограничных пунктах людей кормили при помощи военно-походных кухонь.

Перед отправкой каждой партии людей мыли в банях, стригли, одежда подвергалась дезинфекции и дезинсекции. К тому же каждый беженец должен был сделать комплекс прививок. Обо всех примененных к нему мерах на руки выдавалось удостоверение.

В Полоцк беженцы прибывали по следующим направлениям: Москва – Орша - Витебск - Полоцк, Могилев - Полоцк, Смоленск – Полоцк и т.д. Эшелоны приходили в Полоцк один за другим без всякой плановости и согласованности с эвакуационными органами. Иногда в течение дня из разных губерний (Московской, Смоленской, Могилевской и др.) прибывало до 3 эшелонов в составе около 10 - 15 вагонов каждый. Местные органы власти с помощью уговоров и угроз в адрес железнодорожной администрации отправляла эшелоны на пограничные пункты. Но достигнувшие пограничных пунктов беженцы еще не являлись доставленными на родину (в основном в бывшие Виленскую, Ковенскую, Гродненскую губернии, Привисленский край и т.д.) т.к. возникала проблема перевозки их через 12-ти верстную демаркационную линию [10, л. 34].

Частым явлением на Полоцких железнодорожных станциях было скопление «беженской массы, стихийно рвущейся на родину». Так, 28 апреля 1920 г. уполномоченный Полоцкого уездэвака Кащенко «... выражал обеспокоенность тем, что, лишившись самых оборудованных и вместительных приемников, приходится... размещать их в полуразрушенных бараках и полужаселенных землянках, так как все годные помещения заняты воинскими частями».

К лету 1920 г. Полоцкий уездэвак уже располагал 6 бараками, которые постоянно нужно было дезинфицировать, что требовало значительных затрат. В июне 1920 г. при детском бараке был открыт дошкольный подотдел и площадка (Таблица 1) [10, л. 47].

Таблица 1

№	ФИО	Должность
1.	Апанович Роман Романович	Заведующая дошкольным подотделом
2.	Кучинская Агнесса Васильевна	инструктор
3.	Диволовская Мелитина Павловна	Руководитель 1-й дошкольной группы
4.	Шутко Евгения Васильева	Руководитель 2-й дошкольной группы
5.	Кучинская Елизавета Викторовна	Руководитель 3-й дошкольной группы
6.	Мошар Стефанида Андреевна	Руководитель 4-й дошкольной группы

Беженцам Первой мировой и советско-польской войн, осевшим в Полоцке, как и в других белорусских городах, советская власть вынуждена была оказывать социальную помощь, одновременно осуществляя над ними контроль. Прежде всего, были образованы уездные специальные комиссии, организованные совместно с военкоматами, по проверке документов беженцев с целью установления их призывного возраста и отсрочек по отбыванию воинской повинности [9, с. 9].

Оставшиеся в Полоцке беженцы увеличили городское население, усложнили деятельность администрации. Ситуация усугублялась тем, что Полоцкий уезд оказался не лучшим образом подготовленным к приему беженцев. Основная сложность заключалась в трудоустройстве беженцев, а поскольку значительная их часть была представлена женщинами, детьми и несовершеннолетними подростками, все обязанности по

обеспечению беженцев выполнялись уездными социальными службами. При необходимости беженцы привлекались к общественным и другим работам.

В целях оказания необходимой медицинской помощи в мае 1920 г. Полоцким уездэваком в срочном порядке решался вопрос о расширении сети медпунктов для приема беженцев. Вопрос об организации госпиталя решались на заседании уездного эвакуационного комитета в составе начальника 144-го эвакуационного пункта врача *Раутештейна*, главного врача 14-го госпиталя Красного Креста доктора *Маевского*, начальника уездэвака *Кашенко*, заведующего амбулаторией врача *Турцина* и главного врача медико-санитарной части уездэвака *Титова* [11, л. 30].

Медицинская помощь оказывалась и в амбулатории Полоцкого уездэвака. Согласно отчету о деятельности медико-санитарного отдела Полоцкого уездного управления по эвакуации населения за период с 12 по 26 сентября 1920 г., в амбулатории зафиксировано 1135 посещений (из них 998 — беженцами), сделано 53 противооспенных прививки [11, л. 97].

4 мая 1920 г. срочным циркуляром Витебского военно-революционного комитета всем уездным ревкомам было предложено провести регистрацию, учет и эвакуацию иностранных граждан на основании соглашения Наркомата иностранных дел с Центроэваком. Необходимо было немедленно произвести «регистрацию граждан Франции, Англии, Италии, Америки, Норвегии, Дании, Финляндии, Швейцарии и Голландии, как находящихся на свободе, так и в местах заключения,.. Принять меры к скорейшему освобождению из мест заключения заложников перечисленных выше стран, понимая под термином заложников лиц, подвергнутых заключению лишь за принадлежность к гражданам данного государства, без предъявления к ним обвинения и привлечения к суду за преступные деяния» [3, с. 124]. В начале июня 1920 г. в эвакуационно-беженском отделе Полоцкого уездэвака было зарегистрировано 11 иностранных граждан [10, л. 11]. .

В договорах РСФСР с Латвией и Литвой были установлены требования для провоза беженцами своего имущества, «общий вес которого, сверх ручного багажа, не должен превышать 8 пудов для главы семьи и одиноких, 5 пудов для каждого члена семьи и 2 пудов для детей, моложе 10 лет». Беженцам, возвращавшимся домой самостоятельно гужевым транспортом, разрешалось вывозить домашний скот, птицу, телеги в том же количестве, которое было вывезено ими при реэвакуации. В условиях дефицита продуктов питания вводились строгие ограничения на их вывоз – до 20 фунтов на человека в Латвию и 30 фунтов на человека в Литву [1, с. 7]. Беженцам запрещалось вывозить оружие, драгоценные металлы и ограничивался вывоз золотых вещей и иностранной валюты [4, с. 115]. Так, 17 октября 1920 г. на вокзале Полоцк-I был задержан беженец *Иосиф Доминикович Леннис*, который пытался провести несколько револьверов в своем багаже [7, л. 25]. Он возвращался на родину в Ковенскую губернию (Литва).

Наиболее сложной ситуация складывалась с оказанием помощи пленным по возвращению на родину. На вокзалах г. Полоцка скапливались бывшие русские военнопленные. Данная категория пленных находилась полностью в ведении органов уездэвака [2, с. 7]. Эвакуационно-регистрационному отделу Полоцкого уездэвака предписывалось широко оповещать население о необходимости регистрации и получения билета военнопленного всеми возвратившимися из плена, так как только при этом условии они смогут обращаться за получением жалованья за время нахождения в плену, бесплатной медицинской помощи и других видов государственной помощи.

Для определения права на пенсию, лечение, снабжение протезами бывшие русские военнопленные проходили медицинское освидетельствование [5, с. 56]. Процесс оформления пенсии длился от 3-4 месяцев до 1 года. Например, военнопленный *Владимир Егорович Заляцкий*, бывший рядовой 98-го Юрьевского полка 25-й пехотной дивизии Русской императорской армии, уроженец Полоцкого уезда, ждал оформления социального пособия по временной нетрудоспособности более 5 месяцев [8, л. 7]. .

На месте денежное довольствие за время плена выдавал военный комиссариат, аванс в 35 - 40 рублей в счет этого довольствия и единовременное пособие воинам-инвалидам – уездэвак. На практике эти выплаты бывшие военнопленные чаще всего не имели возможности получить беспрепятственно из-за отсутствия денежных средств в вышеупомянутых организациях [3, с. 26]. Так, с 29 июня по 20 июля 1920 г. в Полоцке было зарегистрировано 143 вернувшихся из германского и австрийского плена, из них аванс выдали лишь 29 чел. (20 %). На эти деньги в конце июля 1920 г. можно было купить на рынке только носки или рукавицы (Таблица 1) [10, л. 65].

Таблица 1

Готовые вещи	Стоимость (на 30.07.1920)
Носки	35 рублей
Чулки шерстяные	65 рублей
Папаха	370 рублей
Перчатки пуховые	60 рублей
Варежки	30 рублей
Рукавицы	35 рублей
Сапоги кожаные	1200 рублей
Туфли	850 рублей
Валенки	375 рублей
Лапти	30 рублей
Бурки	400 рублей
	Детские
Сапоги из парусины	100 рублей

В день регистрации бывшие русские военнопленные получали паек (хлеб, чай, сахар, вобла), установленный Декретом СНК от 14 декабря 1918 г. [3, с. 26]. Сухой паек весной 1920 г. состоял из 400 г хлеба, 100 г рыбы, 1 г чая, 25 г сахара. С декабря 1920 г. паек состоял из 400 г хлеба, 400 г картофеля, 25 г сахара, 12 г соли, 4 г суррогата кофе. Хлеб разрешалось частично заменять картофелем: 100 г хлеба – на 200 г картофеля. Из-за частого отсутствия продовольствия военнопленные не могли получить паек [10, л. 61]. При катастрофической ситуации с продовольствием и обмундированием их учет и хранение на складах Полоцкого уездэвака было организовано крайне неудовлетворительно, о чем говорят материалы проверок местных контролирующих органов. Например, в мае 1920 г. были выявлены факты отпуска муки и выпеченного хлеба без проведения их по приходно-расходной книге. Только после ревизии встал вопрос о составлении «инструкции по правильному ведению хозяйственного дела». К концу июля 1920 г. ситуация была исправлена [6, л. 31].

Говоря о вещевом довольствии возвращавшихся русских пленных, надо отметить, что получить что-нибудь из обмундирования в уездэваке было так же непросто, как и остальное довольствие. Причина состояла в его отсутствии или недостатке, поэтому стать обладателем набора обмундирования было практически невозможно. А между тем все пленные были «голы и босы» [3, с. 27]. В этой ситуации самым неимущим эвакуационно-регистрационный отдел Полоцкого уездэвака стал выдавать удостоверения, а пленные – давать подписки, что никто из них нигде ранее никакого обмундирования не получал. Получить удостоверение не означало получить обмундирование [9, с. 7]. Некоторые бывшие военнопленные, зарегистрировавшиеся в Полоцком уездэваке, пытались обзавестись обмундированием в Витебском губэваке. Однако там они получали только «разъяснения», но не обмундирование. Так произошло и с бывшим рядовым 98-го Юрьевского полка Русской императорской армии *Василием Андреевым Дубининым*. 11 августа 1920 г. в регистрационном отделе Полоцкого уездэвака ему выдали такое

удостоверение и на свои обращения в вышестоящий орган за получением вещевого довольствия он не получил даже ответа [8, л. 5].

20 апреля 1920 г. в Копенгагене советским и французским правительствами было подписано соглашение о возвращении на родину граждан этих стран (россиян из Франции — к 15 сентября, из Алжира — к 20 сентября 1920 г. в количестве 22 тыс. человек). Проведённый французами опрос оставшихся в Алжире русских свидетельствовал, что 96 % опрошенных изъявили желание уехать в Советскую Россию, менее 4 % предпочли районы, контролировавшиеся антибольшевистскими силами. Это были в основном военнослужащие Русского экспедиционного корпуса [5, с. 53]. Трое таких бывших солдат Русской императорской армии, в сентябре 1920 г. прошли через основные отделы и части Полоцкого уездвака и были переданы Особому отделу 15-й Армии (Таблица 2) [8, л. 3 - 4].

Таблица 2

№	ФИО	Год рождения	Уроженец	Национальность	Место плена	Бывшее подразделение русской армии
1.	Борейко Иван Степанович	1886	д. Шипули Полочанской волости Ошмянского уезда Виленской губернии	Поляк	Алжир (Африка), 1918 г.	Рядовой 5-го Особого полка Русского экспедиционного корпуса
2.	Мороз Василий Мартинович	1885	д. Полюдовичи Начской волости Лепельского уезда Витебской губернии	Белорус	Алжир (Африка), 1918 г., гор. Крейдер	Рядовой 5-го Особого полка Русского экспедиционного корпуса
3.	Стапуленко Владимир Борисович	1884	д. Огурки Дриссенского уезда Витебской губернии	Белорус	Алжир (Африка), 1917 г., гор. Алжир	Рядовой 5-го Особого полка Русского экспедиционного корпуса

Пленными польскими легионерами занимался Особый отдел 15-й Армии. Отделы уездвака занимались только регистрацией и оказанием первой медицинской помощи. В дальнейшем в обязанности сотрудников Полоцкого уездвака входило сопровождение польских военнопленных до места пребывания в г. Смоленск и г. Ярославль [10, л. 9]. Только за июль 1920 г. в Ярославль было отправлено около 1200 военнопленных польской армии (Таблица 3) [10, л. 7].

Таблица 3

Дата	Количество польских военнопленных
4 июля 1920 г.	388
7 июля 1920 г.	587
11 июля 1920 г.	760
14 июля 1920 г.	886
15 июля 1920 г.	890
17 июля 1920 г.	923
22 июля 1920 г.	925

24 июля 1920 г.	1125
28 июля 1920 г.	1196
29 июля 1920 г.	1198

15 сентября 1920 г. СНК РСФСР принял специальное постановление о военнопленных польской армии на территории Советского государства. По данному постановлению все попавшие в пленвоеннослужащие польской армии передавались в ведение Главного Управления общественных работ и повинностей НКВД, которое должно было их размещать в специально отводимых для этой цели помещениях. Народный комиссариат продовольствия обязывался отпускать продовольствие для польских военнопленных согласно существующим нормам красноармейского пайка, а Центральному Управлению снабжения Красной Армии предписывалось «снабжать их вещевым довольствием применительно к красноармейским частям». «Справедливость требует заметить, – вспоминал сотрудник Полоцкого уездэвака товарищ Рубин, – что принятые в этом направлении меры дали благие результаты и, наряду с единичными нежелательными случаями, нам приходилось наблюдать, как в Борковичах, Полоцке, Лепеле босоногие красноармейцы-конвоиры вели толпы пленных в новеньком британском обмундировании и щегольских французских ботинках» [11, л. 124].

Пленных красноармейцев, возвращавшихся из польского плена по обмену, особо тщательно проверял Особый отдел 15-й Армии на благонадежность. В Полоцке данная категория пленных не задерживалась, а сразу отправлялась в тыл. Органы уездэвака обеспечивали их только горячей пищей по возможности [12, л. 10]. В Полоцком государственном зональном архиве можно найти подробные списки данной категории военнопленных.

Таким образом, в 1920 г. Полоцкое уездное управление по эвакуации населения, выполняя указания Центра, играло ключевую роль в непосредственном решении социальных вопросов, связанных с пребыванием беженцев и пленных различных категорий на подотчетной территории. Полоцкими органами власти и управления проводилась значительная работа, охватывающая довольно широкий спектр различных вопросов: обеспечение жильем, организация питания, обустройство быта беженцев, организация яслей и детских садов для детей беженцев, решение других социальных вопросов. В условиях революционной эпохи и советско-польской войны, с ростом маргинализации и люмпенизации населения, утратой части традиционных ценностей, падением общего благосостояния это было действительно важно и гуманно. Вместе с тем, в соответствии с требованиями Центра Полоцкий уездэвак осуществлял механизм не только социального, но и политического контроля над группами беженцев и военнопленных.

Список литературы и источников

1. Бабков, А.М. Деятельность Главэвакуапа в Беларуси по реэвакуации беженцев и пленных Первой мировой и польско-советской войн летом-осенью 1920 г. / А. М. Бабков // Известия Гомельского гос. ун-та им.Ф.Скорины. – Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф.Скорины, 2015. – №4. – С. 5 - 10.
2. Бабков, А.М. Помощь беженцам Первой мировой войны эвакуационными органами Полоцкого уезда в 1919-1920 гг. // Известия Гомельского государственного университета имени Ф.Скорины. – Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф.Скорины, 2009.- №6. – С. 4 - 8.
3. Белова, И.Б. Возвращение на родину русских военнопленных и меры советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. - Тамбов: Грамота, 2013. - №27. - Часть I. - С. 24 - 28.
4. Белова, И.Б. Судьба беженцев Первой мировой войны из Западных губерний Европейской России и Польши в Советской России в 1920 году / И. Б. Белова // Вестн. Балт. ун-та им. И. Канта. — 2012. — Вып. 6. — С. 110—117.
5. Бочарова, З.С. Возвращение на родину в 1920-е годы солдат русского экспедиционного корпуса // Военно-исторический журнал. — 2009. — № 9. — С. 51–58.
6. Документы военнопленных. Подлинники. 1919 – 1920 гг. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. Фонд. 63. – Оп. 1. – Д. 36.
7. Заявления беженцев о переселении их на родину. Удостоверения личности. 1919 – 1920 гг. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. Фонд. 63. – Оп. 1. – Д. 6.
8. Именные списки военнопленных и переписка о беженцах. 1920 - 1921 гг. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. Фонд. 63. – Оп. 1. – Д. 18.
9. Лапановіч, С.Ф. Першая сусветная вайна і бежанства як дзяржаўная праблема / С. Ф. Лапановіч // Беларус. гіст. часопіс. — 2005. — № 10. — С. 5—12.
10. Приказы, постановления, протоколы заседаний органов эвакуации населения Полоцкого уезда Витебской губернии. С 09.08.1920 г. по 30.11.1921 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. Фонд. 63. – Оп. 1. – Д. 8.
11. Протоколы медико-санитарных совещаний врачей. Приказы Коллегии о пленных и беженцах. 1919 – 1920 гг. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. Фонд. 63. – Оп. 1. – Д. 2.
12. Списки русских военнопленных, следующих на родину. С 07.03. по 13.12.1920 г. Зональный государственный архив в г. Полоцке. Фонд. 63. – Оп. 1. – Д. 39.